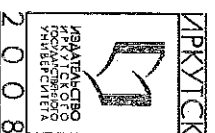

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

ФИЛОСОФИЯ А. П. ЧЕХОВА

Международная научная конференция
(Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.)

МАТЕРИАЛЫ

Печатается по решению научно-методического совета
ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Редакционная коллегия:

А. С. Собенников, д-р филол. наук, проф. (ИГУ);
И. И. Плеханова, д-р филол. наук, проф. (ИГУ);
Е. В. Шимарёнок, преподаватель (ИГУ)

Философия А. П. Чехова : междунар. науч.
конф. (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.) : мате-
риалы / под ред. А. С. Собенникова. – Иркутск :
Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. – 279 с.
ISBN 978-5-9624-0247-5

В сборник включены материалы конференции, прове-
денной при поддержке Российского гуманитарного науч-
ного фонда (номер гранта 06-04-14033). В центре внимания
находятся проблемы художественного гнозиса А. П. Чехова
(гносеология, онтология пространства и времени, вера, ан-
тропология, интертекстуальность).

УДК 821.161.1-09
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9624-0247-5

© ГОУ ВПО «Иркутский государственный
университет», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Батурина Е. А. (Тюмень). «Три сестры»: метафизич- ность чеховского текста	5
Баханек С. Н. (Тюмень). «Скучная история» А. П. Че- хова в свете феномена понимания	12
Бондарев А. Г. (Иркутск). Точка и прямая линия в по- вестях Чехова	21
Верхозин А. И. (Иркутск). «Читатель» в ранних про- изведениях А. П. Чехова (наблюдения над повествова- тельными приемами)	26
Горячева М. О. (Москва). Любил ли Чехов театр?	35
Дуркин Э. (Индiana, США). Модели художественного слова в чеховских рассказах «В ссылке» и «Студент»	44
Димитров Л. (София, Болгария). «Три сестры». Во имя отца	60
Катаев В. Б. (Москва). Истинный мудрец	68
Клейтон Д. (Оттава, Канада). Женщина как птица и лошадь: к феноменологии человеческих отношений в художественном мире Чехова	75
Клиниг О. А. (Москва). Чеховский Петя Трофимов и философ Сергей Вулгаков: только ли несходство («текст искусства» и «текст жизни»)?	86
Клуге Р.-Д. (Варшава, Польша). Загадка «Черного мо- наха»	99
Комаров С. А. (Тюмень). Линия Лопахин – Трофимов в комедии А. П. Чехова «Вишневый сад»: философские обертоны	107
Кубасов А. В. (Екатеринбург). О статусе очеркового и научного дискурсов в рассказе А. П. Чехова «Встреча»	114
Олашек Б. (Лодзь, Польша). Чехов и позитивизм: фи- лософия героев «малых дел»	122
Плеханова И. И. (Иркутск). Человек времени в прозе А. Чехова («Степь» и «Скучная история»)	132

**«ТРИ СЕСТРЫ»: МЕТАФИЗИЧНОСТЬ
ЧЕХОВСКОГО ТЕКСТА**

Разумова Н. Е. (Тюмень). Концепция и образы культуры у Чехова	146
Свифт М. С. (Окленд, Новая Зеландия). Представления о вере как спасительная иллюзия и губительный обман у А. П. Чехова	160
Собенников А. С. (Иркутск). А. П. Чехов и стоики	168
Созина Е. К. (Екатеринбург). Чехов и Альбов: еще раз об «Отъях»	180
Спивак Р. С. (Пермь). Чехов и экзистенциализм	193
Стенниа В. Ф. (Барнаул). Субъективация времени в эпистолярии А. П. Чехова: морбальный код	209
Суханов В. А. (Тюмень). Художественный мир А. П. Чехова в поэтической интерпретации И. Бродского	218
Табачникова О. (Бат, Великобритания). От Чехова к Довлатову: «прославление беспечности», или поэтика, оказывающая сопротивление тирании	238
Шатин Ю. В. (Новосибирск). Философия драматургического действия в пьесах А. П. Чехова	256
Шиншарёнок Е. В. (Иркутск). Онтология пространства в очерках А. П. Чехова «Из Сибири»	263
Сведения об авторах	278

Постижение смысла произведений Чехова невозможно без изучения литературных контактов художника [4]. «Верная перспектива, в которой должно рассматриваться чеховское наследие, только еще устанавливается» [5; 7, 8]. Очевидно, что стержнем этой «перспективы» может стать логика мифоворческого движения в отечественной словесности XX века, опирающаяся на глубинную модернизацию художественного сознания русских писателей [2, 6, 8, 9]. Предметом данного исследования являются различные по природе ницшеанский и народно-поэтический свои как взаимодополняющие элементы мифопоэтической системы в драме «Три сестры».

Автор фиксирует, что во время первого действия светит солнце, воспоминания об отце также пропитаны дневной (солнечной) символикой: «Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы двадцать лет назад, и, я отлично помню, в начале мая, вот в эту пору, в Москве уже все в цвету, тепло, все залито солнцем». День смерти отца, совпавший с отъездом из Москвы более десяти лет назад и именными дочери, днем покровительства святого, в честь которого давалось имя человеку, запечатлен в памяти Ольги иначе: «Было очень холодно, тогда шел снег» (С., 13, 119). Герои находят на границе жизни и смерти в физическом и духовном понимании и интуитивно осознают это пограничное положение. Андрей Прозоров прямо указывает на аполлоническую сущность отца, на его антидионисийскую силу: «Отец, царство ему небесное, утнетал нас воспитанием... после его смерти я стал полнеть и вот расплодился в один год, точно мое тело освободилось от тнета» (С., 13, 131). Знаками аполлонического начала является «полное чувство меры, самоограничение, свобода от диких порывов», дневная (солнечная) символика, восприятие мира как сна, христианская доминанта [7; 61]. В первом действии Прозоровы все еще продолжают жить по гармоничным законам аполлонического мира, по законам,

Свифт М. С. (Окленд, Новая Зеландия)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЕРЕ КАК СПАСИТЕЛЬНАЯ ИЛЛЮЗИЯ И ГРУБИТЕЛЬНЫЙ ОБМАН У А. П. ЧЕХОВА

Но кто знает наверное, убежден ли он в
чем или нет?, и как часто мы принима-
ем за убеждение обман чувств или про-
мах рассудка!

М. Ю. Лермонтов, «Фаталист»

Вы ненавидите верующих, так как вера
есть выражение неразвития и невежест-
ва, и в то же время ненавидите и неве-
рующих за то, что у них нет веры и
идеалов.

А. П. Чехов, «Жена»

Сквозная тема у Чехова — это самообман, или иллюзия, в том числе полезные иллюзии, которые помогают жить. В данном докладе рассматриваются некоторые случаи в творчестве писателя, когда вера — как в отрицательных, так и в положительных проявлениях — поддежит сомнению или представляется иллюзорной.

По определению св. Павла, «вера же есть осуществле-ние ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1). Это библейское определение веры схоже с объяснением иллюзии как психологического явления. По толкованию Фрейда, иллюзия возникает в ответ на желание; то есть иллюзия есть принятие желаемого за действительное, и, по мнению Фрейда, самая распространенная иллюзия — это религиозная вера [10]. Лихарев в рассказе «На пути» — известный пример того, как желание верить и сила убеждений не гарантируют истинность идей. Задним умом он понял, как при своем фанатизме он был «недалек, далеко от правды, несправедлив, жесток, опасен» (С., 5, 468).

Вера, по Чехову, нейтральная величина, сама по себе не положительная и не отрицательная. Как писатель и мыслитель, который не выходит за рамки познаваемого, Чехов ме-

нее заинтересован в «содержании» идей, чем в последних идеях [6; 11]. Поскольку существование Бога не поддежит доказательства, ложность и истинность веры определяются не объектом веры, а ее последствиями и эффектами. В своих произведениях Чехов освещает разные проявления веры, которую он описал как «способность духа, [...] которая] доступна только высоким организациям» (С., 17, 67, 169). Чехов на только высокоим организационным, но и даже даже изображает потребность в вере и поиски ее, дурные и даже губительные последствия ложной веры и прагматику утешительной веры; он также изображает отсутствие веры.

Ведь не всякий человек способен на веру. Утверждение Лихарева, что «она [вера] все равно, что талант: с нею надо родиться» (С., 5, 468), казалось бы, утверждает св. Павлом, который пишет, что вера есть «Божий дар» (1-е Кор. 12, 9; Еф. 2, 8). Известные герои у Чехова — Иванова из одноименной пьесы, Николай Степанович («Скудная история»), Силин («Страх»), Далтев («Три года») — разные личности, и, по принципу врача, «надо <...> индивидуализировать каждый отдельный случай» (С., 10, 66); но названные герои схожи тем, что у них нет иллюзий. Таких героев (как и самого автора) никакая «общая идея» удовлетворить не может [4; 107]. Более того, такие «люди поля» не поменялись бы местами с Богом, кто уверен в любви из крайностей: «есть Бог» или «Бога нет» [11]. Профессор медицины не завидует своему коллеге Петру Игнатьевичу, считающему, что «знает цель жизни, не знает сомнения, от которых седеют таланты» (С., 7, 260). Петр Игнатьевич уверен в себе, потому что кругозор у него ограничен. Для Далтева «религиозность [...] условная определенность взглядов и убеждений, [которая] представлялась ему заставой, из-за которой не видно было настоящей правды» (С., 9, 45).

К историческим грехам и заблуждениям Православной Церкви Александр Шмеман относил «частую подмену живого напряженного богословия выхолощенным и бездарно-венным обрядоверием» [12; 183]. Чехов неоднократно обвиняет это заблуждение. Наиболее известный и яркий пример слепото обрядоверия у Чехова находим в «Убийстве». Для Якова Терехова вся вера заключается в ежедневном, по стро-гому порядку, исполнении церковного обряда, тем более у

себя дома, потому что местные священники — сами грешники, по мнению Якова. Выноната тут не религия, а фанатизм героя.

В повести «Три года» Лаптев-старший, высланный и крутой старик, который принимает как должное свое право читать наставления, «в церкви <...> всегда становился впереди всех и даже делал замечания священникам, когда они, по его мнению, не так служили, и думал, что это угодно Богу, так как Бог его любит» (С., 9, 36). Дело не в неправильном исполнении службы, а в нахальном самомнении старика.

В позднем и незаконченном рассказе «Расстройство компенсации» люди, «равнодушные к религии» (С., 10, 223; 27), присутствуют без всякого чувства на всеобщей, которая служится у них, не по вере, а «по традиции» (С., 10, 224). Большой Михаил Ильич жалуется, что ему не нравится, как священник служит, и ворчит, что он «бы такого ферта-попа в дырки разжаловал» (С., 10, 227) — это вместо того, чтобы проявить благодарность и милость тому, кто старается ради него. Очевидно, что при таком пустом соблюдении обряда, пользы от него мало. «По вере вашей да будет вам» (Мат. 9, 29), — гласит Христос. Не случайно, что в этом семействе, где заботятся о поверхностной форме службы, обстановка описана как «мещанская безвкусица, претендующая на великолешие» (С., 10, 224).

В приведенных примерах автор не высмеивает церковный обряд, а указывает на ошибочное отношение к обряду у людей. Как видно по другим описаниям церковных служб в рассказах писателя («На страстной неделе», «Архирей»), Чехов достоинство обряда признает. «И сам Чехов готов был отдать часть времени религиозному обряду, как делу живому» [8; 26]. По воспоминаниям современника, Чехов как-то говорил: «Церковь в деревне — это единственное место, где мужик, не говоря о прочем, получает хоть какие-нибудь эстетические впечатления» [2; 158]. Соблюдение обряда может быть проявлением веры; обряд может располагать к благоговению и душевному чувству и тем самым служить утлублению веры. А когда обряд является предметом веры, тогда он обесценивается и становится не лучше, чем суеверие.

В названных здесь героях мы имеем дело не только и не столько с обрядоверием, сколько с гордыней и уверенностью в собственной праведности. Как другой пример ложной, деспотической веры отметим тету Дашу в рассказе «В родном углу», вера у которой выражается в показном соблюдении приличия и в жестоким осуждении других. Если Христос принимает отвергнутых обществом грешников, то тети Даша движима ложной верой в собственную непогрешимость и в свое право распоряжаться чужими судьбами. Она выгоняет слуг «за безнравственность», а незаконнорожденного рабочего за грех его родителей (С., 9, 317; 322). При этом тети Даша убеждает свою племянницу Веру, чтобы она в церковь ходила, «а то подумают, что ты не верующая» (С., 9, 320).

Перечисленные герои веруют в Бога по собственному образу и подобию и тем самым посягают замечание старшего садовника Чехова: «Воровать в Бога не трудно. В него веровали и инквизиторы...» (С., 8, 515). Фанатик Яков Терехов верует фанатически; нахальный старик Лаптев верует нахально; пустой и придиравый мещанин присутствует на службе без участия и к священнику придирается; деспотическая тети Даша и верует деспотически. Вера не одна у всех, а является выражением личности и способом характеристики героя. У таких «верующих» героев мы имеем дело не с верой в Бога, а с типом личности, которая убеждена в собственной праведности. Истина не может быть в притеснении и оскорблении других. В адрес таких, «которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других» (Лук. 18, 9), Христос рассказывает притчу о двух молчаливых в храме: фарисей благодарит Бога за то, что он «не таков, как прочие люди», а праведник; мытарь же признает свою греховность перед Богом и милости просит (Лук. 18, 10—14).

Помешанные на соблюдении правил и уверенные в себе деспоты известны у Чехова и без религиозной почвы — от прототипа Унтера Пришибева, до брезгливого «человека в футляре» и Коврина в «Черном монахе», у которого маниа величия представляет собой вариант ложной веры в личное превосходство над другими людьми. Чувство восторга обманывает Коврина; его прекрасное откровение оказалось иллюзорным и губительным. «Ничто так надежно не скрывает от

героев писателя истину, как иллюзия обладания ею» [5; 13]. Чехов разоблачает веру как флутир, который не облагораживает или обогащает человека, а скывывает и ослепляет. На примере своих отрицательных верующих героев Чехов показывает, как те, кто видит свое достоинство во власти и имуществе, кто выставляет себя и оскорбляет других, далеки от божественного духа. Христос делает то же самое, упрекая «сребролюбивых» и тех, кто «выказывает себя праведниками пред людьми» (Лук. 16, 14–15).

Иные простосердечные верующие у Чехова изображены автором «с большим сочувствием и пониманием» [3; 13]. Между тем автор намекает на возможную иллюзорность даже чистой веры.

Липа со своей матерью Праксковьей (рассказ «В овраге») воплощают христианские добродетели — скромность, кротость, терпение, смирение; они также представляют собой положительный эффект веры. Когда они сидят, лобуясь, как настуляет ночь и в ушелье поднимается туман, «быть может, им примерещилось на минуту, что в этом громадном, таинственном мире, в числе бесконечного ряда жизней и они сила, и они старше кого-то» (С., 10, 163) — утешительное чаение, которое в согласии с евангельскими учениями: «Так будут последние первыми...» (Мат. 20, 16) и «...унизкающий себя возвысится» (Лук. 18, 14). В другом месте, когда Липа с матерью ложались спать в сарае, «чувство безутешной скорби готово было овладеть ими. Но казалось им, кто-то смотрит с высоты неба, из синевы, оттуда, где звезды, видит все, что происходит в Уклееве, сторожит. И как ни велико зло, всё же ночь тиха и прекрасна, и всё же в божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и всё на земле только ждёт, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью» (С., 10, 165–166). Здесь автор более литературным языком, чем его простые героини, говорит об эсхатологической мечте — грядущем торжестве справедливости и правды, существующем в народном сознании еще до принятия христианства на Руси [7; 28]. При этом чеховский оборот «но казилось им, кто-то смотрит с неба» (курсив мой) выступает как отговорка, намек на возможную ошибочность ощущения.

Эти восприятия (возможно, откровения) Липы с Праксковьей приходят к ним в моменты созерцания природы, общения с мирозданием, и тем самым героини связаны со средой. Более того, их чаение о собственной пенности и надежда на грядущую справедливость психологически правдоподобны благодаря тому, что они исходят из желания. По тому же желанию верить, что справедливость есть и будет, Липа борется с кардинальным вопросом монотеизма — страданием невинных, когда она ищет смысл в предсмертных муках младенца Никифора.

Вера крестьян в «Мужиках» изображена как искренняя и сердечная, хотя основана на невежестве и суеверии. При чтении евангелия Ольга расстроена до слез святыми словами, которых она не понимает: она «читала вслух, по дьячковски, и многого не понимала, <...> и потому, когда она произносила слова из писания, даже непонятные, то лицо у нее становилось жалостным, умиленным и светлым» (С., 9, 286–287). Здесь автор описывает реальный душевный эффект, который чтение евангелия имеет для Ольги, и в то же время обращает внимание на сомнительную основу веры без понимания.

После того, как дочь Ольги, Саша, объясняет Мотьке, что в день суда «добрые пойдут в рай, а сердитые будут гореть в огне вечно и неугасимо <...> и кто скоромное ел, того тоже в огонь» (С., 9, 292–293), Мотька плеснула молока в чашку с ржаными корками, которые сваривая бабка сосала, «и им было приятно, что она оскоромилась и теперь уж наврное пойдет в ад» (С., 9, 294). Несостоятельность поверья, что человек может заслужить вечный огонь за несоблюдение (тем более нечаянное несоблюдение) поста, нашло. Из этого эпизода также без комментариев очевидно, что желанье, чтобы другой страдал — сомнительная мотивация для веры.

Если вера у Ольги кажется навязной и ее можно характеризовать как глубокое чувство без глубокого понимания, героиня правильно понимает сущность христианства. Она не только «верила в бога, в божью матерь» — что одно, но и «верила, что нельзя обижать никого на свете...» (С., 9, 286–287) — это другое. Истинность ее веры проявляется в ее отношениях с другими: она утешает и оберегает не только обиженную и побитую Марью, но и свою обидчицу Феклу.

Другая Ольга у Чехова («Душечка») тоже представляет собой пример чистой веры на сомнительном основании. Сколь спорным ни является своеобразное мнение Толстого о «Душечке», будто Чехов, вопреки своему намерению высмеять свою героиню, на самом деле нарисовал портрет идеальной женщины, она поступает в согласии с евангельским учением, что наибольший среди людей — это тот, кто служит добродетели: любовь, сострадание (первый муж Ольгу покорил именно своим несчастьем) (С., 10, 103), щедрость и самопожертвование (что видно по тому, как она охотно уступает свой дом ветеринару с семьей). Ольга также выступает как миротворец, когда побуждает своего жильца ветеринара, чтобы он простил своей жене ее измену ради их сына.

Как ребенок принимает на веру внушение старшего, так Ольга принимает чужие мнения. Если она при первом муже разделила его заботу о театре, и с ветеринарным врачом говорила о важности здоровья животных, то у второго мужа, набожного Пустовалова (фамилия, близкая к слову «пустозвон»), она перенимает не только его озабоченность торговлей лесом, но и манеру говорить степенно и серьезно и сама становится набожной. В описании совместной жизни Ольги с Пустоваловым речь идет о том, как они ходят на службу, как вкусно у них пахнет и как хорошо они питаются (С., 10, 107). Но оттого, что Ольга чиста сердцем и без претензий, в этом описании ее жизни нет оттенка пошлости, присутствующей в других рассказах Чехова, в которых самодовольные люди сыто живут («Учитель словесности», «Невеста»).

Когда Ольга с Пустоваловым обсуждают семейное несчастье своего жильца, живущего порознь с сыном, повествователь констатирует: «по какому-то странному течению мыслей, оба [они] становились перед образами, кляли земные поклонны и молились, чтобы Бог послал им детей» (С., 10, 108). Для Ольги с мужем (и для иного верующего) ход мыслей, побуждающий их молиться, — совершенно естественен. И факт, что одна и та же мысль приходит к обим спонтанно, говорит о действительной силе их веры и о роли веры в их совместной жизни. Но замечание автора, что течение мыслей, доводящее Ольгу с мужем до молитвы, является «странным»,

выступает как легкая насмешка, или отстраненное наблюдение антрополога, который наверно знает, что загадочное поведение Ольги с мужем никак не может претворить в жизнь их желание иметь детей.

Нельзя утверждать на основании понимающего и чувственного изображения верующих в творчестве писателя, что «Чехов веровал», как делали некоторые [9, 57]. Однако ошибочно привести отрицательные картины жизни верующих и церковных служб в произведениях Чехова как доказательство атеизма писателя, как делали другие [1]. «Для Чехова <...> было не так уж важно, "есть бог" или "бога нет" <...> Общечеловеческие ценности, идеал достойного человеческого существования — вот что привлекало его внимание в Священном писании в первую очередь» [8; 24, 26]. Наблюдаемые проявления веры — это реальность, которую Чехов освещает.

Если веру можно отнести к числу «целесообразных обманов, иллюзий» (С., 6, 106), о которых размышляет герой, прокурор в рассказе «Дома», то ее польза (возможно, и истинность) заключается в представлении Чехова, в реальном утешении и ободрении, испытываемых теми верующими, которые живут в общении с божественным духом. По примеру своих простосердечных верующих, Чехов дает знать, что, если вера не в Боге, то сущность божества проста и доступна всем непосредственно, без особых знаний [5, 68]. Этим своим отношением к вере Чехов остался и останется актуальным.

Примечания

1. Днепров В. Атеизм Чехова // Звезда. — 1988. — № 8. — С. 192–203.
2. Измайлов А. А. Вера или неверие (религия Чехова) // А. А. Измайлов. — Литературный олимп. — М., 1911. — 133–179.
3. Karlinsky, S. Chekhov: The Gentle Subversive // Heim, M. H. и Karlinsky, S. Letters of Anton Chekhov. — New York: Harper & Row, 1973. — P. 1–32.
4. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации / В. Б. Катаев. — М., 1979.

5. Линков В. Я. Скелтицизм и вера Чехова / В. Я. Линков. — М., 1995.
6. Линков В. Я. Через сомнение к богу живого человека // Чеховиана: Мелиховские труды и дни / под ред. В. Я. Лакшина. — М.: Наука, 1995. — С. 11–16.
7. Собенников А. С. Правда и Справедливость в аксиологии Чехова // Чеховиана: Мелиховские труды и дни / под ред. В. Я. Лакшина. — М.: Наука, 1995. — С. 27–34.
8. Собенников А. С., Библейский образ в прозе А. П. Чехова (аксиология и поэтика) / А. С. Собенников // О поэтике Чехова. — Иркутск, 1993. 23–38.
9. Степанов М. Религия А. П. Чехова // Религия русских писателей. — 1993. — №1. — С. 3–58.
10. Freud S. The Future of an Illusion // Wolff R., About Philosophy. — New Jersey: Prentice-Hall, 1976. — С. 221–223.
11. Чулаков А. П. «Между "есть Бог" и "нет Бога" лежит целое громадное поле: Чехов и Вера» // Новый Мир. — 1996. — № 9. — С. 186–192.
12. Шмеман А. «Воскресные беседы» // Новый мир. — 1994. — № 11. — С. 183–199.

Собенников А. С. (Иркутск)

А. П. ЧЕХОВ И СТОИКИ

Говорить о философских воззрениях А. П. Чехова не просто потому, что традиционно философия в литературе рассматривается как мир идей. Чехов же подчеркнута сторонами идеологии, у него не было учения, как у Л. Н. Толстого, его герои не приводят аргументов «за» и «против» идей, как в романах Ф. М. Достоевского. Не писал Чехов философских трактатов и писем. Следовательно, речь может идти прежде всего о художественном гнозисе писателя и о тех философских (и не философских) источниках, которые этот гнозис формировали.

В библиотеке Чехова были «Размышления» Марка Аврелия, «Афоризмы и максимы» А. Шопенгауэра, книга

Н. Минского «При свете совести». В письмах и в произведениях Чехова упоминаются И.-В. Гёте, Вольтер, Эпиктет, Б. Спиноза, Б. Паскаль, Г.-Т. Бокль, Г. Спенсер, Ф. Ницше и другие философы. На наш взгляд, особого внимания заслуживают стоики [1]. В доме-музее А. П. Чехова в Ялте хранится экземпляр «Размышлений» Марка Аврелия с многочисленными пометами писателя [2]. Очевидно, именно этот экземпляр он послал А. П. Ленскому: «Посылаю Вам Марка Аврелия, которого Вы хотели прочесть. На полях Вы увидите заметки карандашом — они не имеют никакого значения для читателя, читайте всё подряд, ибо всё одинаково хорошо» (П., 3, 185).

В письме к А. С. Суворину Чехов в шутильной форме обыгрывал известные положения стоиков: «О Марк Аврелий Антонин! О Эпиктет! Я знаю, что это не несчастье, а только моё мнение; я знаю, что потерять художника значит возвратити художника, но ведь я больше Потёмкин, чем философ, и решительно неспособен дерзко глядеть в глаза рока, когда в душе нет этой самой дерзости» (П., 3, 189). Высокая оценка («все одинаково хорошо») сочетается здесь с признанием собственного эпикурейства («я больше Потёмкин, чем философ»).

В суждении Чехова отражены два момента философской античности: 1) стоики полагали, что «причины жалоб коренятся в одном лишь внутреннем убеждении», «устрани убеждение, устранишься и жалоба на вред» [3; 359]; 2) концепция судьбы, согласно которой «судьба — это непрерывная <цепь> причин шуршего или разум, согласно которому управляется мироздание» [4; 485]. Поэтому мудрец даже к смерти относится спокойно, ибо она в природе вещей. Превратностям судьбы стоики противопоставляли моральную стойкость индивида. «Действие неумолимой судьбы-логоса исключает свободу человеческого воли. Однако, по крайней мере, для отдельных людей, героев-мудрецов, поднявшихся до осознания её, возможна свобода, толкуемая только как свобода духа, осознание неумолимого действия судьбы» [4; 50].

С философией стоиков Чехов был знаком по трудам Эпиктета и Марка Аврелия. Судя по пометам на чеховском экземпляре «Размышлений», русского писателя привлекали